

Высшие

Из праха и клятв

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Влада Райт

18+

Влада Райт

Высшие. Из праха и клятв

<https://litres.ru/74389159>

SelfPub; 2026

Аннотация

В психиатрической клинике Рада годами борется с голосом в голове, разрушающим разум и сеющим хаос. Все убеждают девушку, что это шизофрения, следствие детской травмы, но она чувствует, это нечто древнее и опасное.

В отчаянии Рада заключает сделку с Высшим Богом Смерти Рагнаром — холодным, обаятельным и безжалостным. Он обещает исцеление взамен на нить жизни из пещеры Демона Ткача, плетущего судьбы мира. Зачем она нужна Богу и кому принадлежит?

Но правда страшнее: боги сами в цепях у Создателей — тиранов, держащих их в страхе уничтожения. Рагнар — манипулятор или чужая марионетка?

Между ненавистью и влечением к Высшему Смерти Рада узнаёт: её "голос" — не болезнь, и сделка может стоить жизни.

Готова ли ты узнать цену свободы?

"Из праха и клятв" — история, где пешки переворачивают доску, а избавление от демона внутри может обернуться самой большой ловушкой.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	29
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Влада Райт

Высшие. Из праха и клятв

Пролог

Щеку царапает сухая земля. Я заставляю глаза сфокусироваться и делаю вдох. Пыль попадает в рот, оседает в сухом горле, я не могу остановить кашель. Боль в боку становится невыносимой. Мне хочется выть, но я только ещё сильнее стискиваю челюсть. Пусть лучше зубы раскрошатся, чем он увидит мою слабость. Адреналин гонит кровь по венам, и она брызжет из раны. По ощущениям задета печень или что-то не менее важное. Он стоит передо мной. В руке один из тех мечей, которыми пользуются Боги, чтобы убивать нас. И сейчас моя кровь капает с лезвия. Мелкие камешки хрустят под его сапогами, когда Бог подходит ближе. Я вытягиваю руку в сторону своего кинжала, но он лежит слишком далеко. Это мой конец.

Как бы ни старалась, я не могу сдержать стон боли, когда медленно приподнимаюсь, затем сажусь на колени. Я встречу свою смерть, если не стоя, то хотя бы с высоко поднятой головой. Дыхание сбивается даже от малейшего движения, а в глазах начинает темнеть. Я не даю себе отключиться. Палящее солнце спряталось за облака, и больше не светит в глаза.

Теперь я могу разглядеть красивое лицо Бога. Он ждёт, пока я выпрямлюсь. Мгновение мы просто смотрим друг на друга — победитель и побеждённый. Я всё же улыбаюсь краешком губ, когда отмечаю на Боге все травмы, нанесённые мной: сломанный нос, глубокие порезы на руках, рана в плече и бедре, но я была недостаточно быстрой, и сегодня это стоит мне жизни. В голове вдруг возникает желание откусить ему нос и выцарапать глаза цвета шоколада.

— Ты боишься смерти? — спрашивает он.

Я не спешу отвечать. Внезапный горячий ветер раскачивает редкие сухие кустики вокруг нас. Солнечные лучи обжигают плечи, но, несмотря на жару в проклятой пустыне, я не могу унять дрожь. Далеко за спиной Бога белеют вершины гор. Я прикрываю глаза, представляя блаженную прохладу горных долин и быстрых ручейков. Я была так близка к тому, чтобы уничтожить этот мир. Что меня ждёт, когда Бог наконец-то меня убьёт? Создали ли для нас место, что люди называют раем?

Кровь засохла на губах, я медленно открываю рот, но вместо ответа плюю красной слюной в ноги Богу. Как я и ожидала, в ответ он ударяет меня наотмашь. Колоссальными усилиями я заставляю тело держаться прямо, а не упасть набок, но от удара голову занесло в сторону. Во рту вновь набирается солёная слюна. Я не тороплюсь поворачиваться, сплёвываю кровь, а когда всё же возвращаю взгляд на ублюдка, на его лице нет ничего, кроме жестокого удовольствия. Бог на-

слаждается моей болью, но ведь у него есть причина, верно? Я хмыкаю и, игнорируя его предыдущий вопрос, задаю свой:

— Как её звали? — в сиплом звуке, что вырывается из глотки, я с трудом узнаю свой голос.

Теперь уже я наслаждаюсь болью на прекрасном лице.

— Заткнись, — сквозь зубы цедит Бог.

— Скажи, какого это — облажаться, а затем наблюдать, как наказывают других за твои неудачи?

К моему сожалению, Бог не даёт дальше наслаждаться его кривой физиономией. Он ударяет меня кулаком в лицо. В глазах забегали звёздочки, и в этот раз мне не удаётся удержать равновесие. Я падаю на землю. Не знаю, что было больнее — удар или падение. Я рычу, пытаюсь встать, но голова кружится ещё быстрее, лишая возможности сориентироваться.

— Надо отдать твоей девке должное, она не кричала, когда я её убивал.

Удар ботинком в живот на секунду заставил поверить, что пришёл мой конец, но невыносимая боль вернула меня в не менее невыносимую реальность.

— Закрой свою поганую пасть, — в бешенстве кричит Бог, но я только начала.

— Она молчала не потому, что была смелой, — я не успеваю договорить, второй удар ногой по тому же месту выбил из меня воздух. Кашель раздражает сухое горло. — А потому, что не хотела делать тебе больнее, — наконец заканчиваю я.

Крик Бога больше похож на звериный вой. Он хватается меня за плечи, заставляет подняться и притягивает к себе. Сквозь боль я ощущаю прохладу лезвия у себя на горле.

— Ну давай, — морщусь я. — Сделай то, что у тебя лучше всего получается. Продолжай убивать нас.

Проходит несколько долгих мгновений, я уверена, что Бог сейчас нанесёт последний удар, но его хватка слабеет. Он выпускает меня, и я снова шлёпаюсь на землю.

— Мы убиваем вас, а вы нас. В этом мы похожи, — цедит Бог. — Разница лишь в том, что я решил перестать быть рабом.

Я смотрю на него снизу вверх, глотая пыль. Сил не осталось даже на то, чтобы хмыкнуть в ответ или закатить глаза, а хотелось бы, ведь его слова — бред перелюбленного ребёнка. Боги никогда не были рабами, они — любимые младшие братья, решившие, что судьба должна им больше. В голове не укладывается, что они верят в то, будто мы с ними имеем одинаковый статус в этой вселенной.

— На сколько ты планируешь растянуть наше свидание? У меня и другие дела есть, — сжимая челюсть, говорю я и заставляю себя вновь сесть на колени.

— Ты вообще испытываешь страх? Какие-нибудь эмоции кроме кровожадного желания убивать?

— Сейчас только кровожадное желание убить тебя, — морщась от лучей солнца, я смотрю на Бога снизу вверх.

— Выглядишь не очень, — он кивает на раны.

— Ну твои кулаки и ботинки не особо делу помогают, — неряшливым жестом я указываю на кровоподтёки на своём лице.

Бог хмыкает, затем вдруг опускается ко мне, останавливая лицо так близко перед моим, что его длинные каштановые волосы щекочут руку, которую я прижимаю к ране, и заглядывает мне в глаза. Не будь я так слаба, я бы вцепилась в его глотку зубами.

— Я могу и без них, — Бог не шевельнулся, однако волна новой боли проходит через всё моё тело, словно по велению одной только мысли меня ударил его невидимый кулак прямо в бок.

Мне понадобилась секунда, чтобы понять, что пронзительный звук, раздирающий барабанные перепонки — мой крик. Я хочу упасть вперёд, но невидимая сила держит тело, не позволяя скрючиться на земле.

Через несколько секунд крики боли сменились рычанием: — Пошёл ты! — плюю я. — Клянусь, если мы встретимся в следующей жизни... — боль не даёт договорить.

— Именно об этом нам и нужно поговорить, — от его ярости не осталось и следа.

В голосе теперь веет обжигающий холод, от которого становится не по себе. Лучше бы он продолжал меня избивать. Я пытаюсь разглядеть его лицо сквозь слёзы.

— Великая сила, у тебя все разговоры начинаются с тыканья мечами и избиений собеседника?

— Я даю тебе возможность выжить и прожить не одну жизнь, — Бог пропускает мои остроты мимо ушей.

Он кладёт оружие на землю и присаживается рядом. Мы оба понимаем, что у меня не осталось сил забрать меч и напасть. Я так устала от этой боли, что уже готова была поприветствовать смерть как старую подругу, но слова Бога не могли не посеять зерно надежды.

— Спасибо, конечно, но до того, как ты отрезал от меня кусок, мне и не требовалось твоё разрешение на выживание, — цежу я.

— Не преувеличивай, — он закатывает карие глаза. — Ты умираешь. Давай хоть сейчас не будем тратить время на саркастические комментарии, хорошо?

Всё же мои «саркастические комментарии» ему действуют на нервы. Хорошо. Мысленно я делаю себе пометку продолжать.

Бог протягивает руку, чтобы убрать прядь волос, прилипшую к моему мокрому лбу, за ухо. У меня начался предсмертный бред — это единственное объяснение, почему мне нравятся прикосновением своего убийцы.

— Спасёшь меня, а тебе что с этого?

Глаза Бога темнеют.

— Давай заключим сделку?

Глава 1

Я ковыряю ложкой котлету в тарелке. Уверена, что двое широкоплечих медбратьев неотрывно следят за каждым проглоченным куском, но от волнения не могу заставить себя есть. По напряжённым плечам мужчин у дверей сразу件нятно, что они готовы отреагировать на любое наше движение, если оно покажется им опасным или подозрительным. Один из медбратьев встречается со мной глазами, и я поспешно опускаю взгляд в тарелку. Я вовсе не боюсь их, просто не хочу выделяться и дать повода подойти.

Молодой интерн в белом халате заходит в столовую и громко произносит моё имя, ища меня среди пациентов:

— Рада! — он снимает очки с носа.

Раздаётся звук отодвигающегося стула, когда я встаю из-за стола и поднимаю руку.

— Рада. Рада. Рада. — пожилая женщина справа от меня вдруг шепотом начинает повторять моё имя снова и снова.

Я толкаю её в плечо в надежде, что она перестанет, но это возымело обратный эффект. Женщина повышает голос, а остальные пациенты вокруг нас начинают шевелиться, будто волны в болоте после кинутого в него камня.

— Прекрати, — шепчу я ей, но безрезультатно.

— Рада! Рада! Рада! — женщина перешла на крик.

Медбратья у двери начинают двигаться к нам.

— Они идут сюда, — продолжаю шептать я. — Заткнись!
— Заткнись! Заткнись!

Женщина встаёт из-за стола, поднимает тарелку и швыряет её в сторону медбратьев. Тарелка пролетает через весь стол, пюре попадает в волосы молодого парня напротив меня. Тот начинает истошно кричать и вытаскивать еду. От спокойной обстановки не осталось и следа. Многие спешат отойти от нас в страхе, что и их посчитают замешанными в этом инциденте. Я тоже делаю шаг в сторону, чтобы уступить место медбратьям. Не церемонясь, они хватают зачинщицу беспорядка за руки и оттаскивают от стола. Она кричит и лягается, даже пытается укусить одного из них, но мужчины держат крепко. Я молча наблюдаю, как её тащат к выходу. Парень напротив продолжает что-то лихорадочно бормотать, роясь у себя в волосах.

— Молчи, — резко поворачиваюсь я к нему.

В голубом свете флуоресцентных ламп круги под его глазами кажутся особенно тёмными. Он смотрит на меня всего мгновение, но, кажется, понимает, что лучше сидеть с едой в волосах, нежели быть обколотым дурью.

Блять, неужели я выгляжу так же хреново, как и этот парень.

От этих мыслей меня отвлекает интерн, который всё ещё ждёт у дверей. Он не обращает никакого внимания на кричащую женщину, пока её тащат прочь из столовой.

— Рада, главврач ждёт вас, — громко произносит он.

Я резко выдыхаю, собираюсь с мыслями и направляюсь к выходу. Мне нужно показать себя с наилучшей стороны, убедить врача, что я вполне стабильна, не представляю опасности ни для себя, ни для окружающих, да и вообще пай-девочка. Я натягиваю улыбку, когда подхожу к молодому парню. Тот отвечает приветственным кивком и кроткой улыбкой, а затем подносит пропуск к считывающему устройству, раздаётся короткий высокий писк, и дверь открывается. Я выхожу, и мой вдох застревает в лёгких, когда вижу своего лечащего врача перед собой.

— Рада! — радостно говорит он, раскрывая руки, словно ждёт, что я брошусь к нему в объятия.

Конечно, он знает, что я никогда по своей воле не прикоснулась бы к нему. Тело отказывается двигаться, парализованное страхом. Если с медбратьями и остальным персоналом я всегда вежлива и не лезу на рожон, то Дориан Отай вгоняет меня в оцепенение, я могу лишь смотреть в пол и ждать, пока он уйдёт.

— Ты выглядишь расстроенной, — жалостливо протягивает Дориан, поднимая мою голову за подбородок.

Разглядывая меня, он кривит свои слишком пухлые губы в ухмылке. Мне потребовалось всё моё самообладание, чтобы не отпрянуть, когда врач прикоснулся ко мне. Дориан подходит так близко, что я чувствую его тёплое дыхание на своей щеке.

— Не переживай, он не разлучит нас, — шепчет врач пря-

мо мне в ухо, чтобы интерн не услышал.

По коже пробежали мурашки.

Дориан сразу же делает шаг назад и заглядывает мне в глаза. Я всё так же молчу и стараюсь, чтобы лицо не выдавало бурю внутри. Он поднимает руку и берёт мою косу, перекинутую через плечо. Вид моих белых волос в его руке вызывает противное чувство, словно на волосах останутся следы грязи, такой же чёрной, как и его гребаное сердце. Всем пациентам в больнице стригут волосы очень коротко, чтобы избежать нашествия вшей, но в мой первый день Дориан запретил всем медсёстрам прикасаться к моим волосам. За два года они отросли до середины спины, а врач никогда не упускает возможности потрогать их или даже понюхать. Его губы заблестели от слюны.

Больной мудака.

— Главврач ждёт, — напоминает нам интерн, прочистив горло.

— Я сам провожу Раду, — отвечает Дориан, не отрывая от меня глаз.

Мне хочется закричать, потребовать, чтобы интерн не оставлял меня с ним наедине, но я лишь сильнее сжимаю челюсть. Нельзя показывать эмоций, недовольство, страх, ведь моё относительное спокойствие в этой дыре зависит от лечащего врача. Раньше я сопротивлялась, не сдерживалась от точных, грубых замечаний в его сторону, тогда меня наказывали. Для всех остальных это были лишь радикальные меры,

чтобы заглушить голоса в голове пациента с шизофренией, но я точно понимала, на что эти «процедуры» нацелены — сломать мою волю, заткнуть строптивую девку, дать возможность подонку быть «подонком». Ситуации не помогало ещё и то, что я действительно слышала голос в голове.

Пока мы идём по коридору, я пытаюсь не замечать руки Дориана на моей пояснице. Интересно, он действительно думает, что я хочу чувствовать его прикосновения, или он кончает от осознания, что доставляет мне неудобства? Как по мне, Дориан — главный кандидат на место в психушке, которой сам и заведует, и единственное, что не даёт мне слишком сожалеть по поводу того, что он не закрыт в этой дыре, это тот факт, что я буду закрыта вместе с ним.

Мы подходим к дверям кабинета, где обычно проходят индивидуальные встречи с психиатрами. Я делаю шаг вперёд и сама открываю дверь, торопясь избавиться от Дориана.

— Не шали, — протягивает он. От его сладкого тона мне хочется плевать.

Ничего не ответив, я захожу в кабинет. Тёплый свет, уютная обстановка расслабляют. Если бы не железные прутья на окнах, то я бы даже могла на секунду забыть, насколько моя жизнь глубоко в заднице.

— Здравствуй, Рада.

Главный врач сети психиатрических клиник, в одной из которых я оказалась и за которую мой отец оплачивает внушительный счёт каждый месяц, оказался молодым и на вид

приятным мужчиной. Он сидит на одном из кресел посередине комнаты и указывает на такое же свободное кресло перед собой.

— Прошу, проходи, — он улыбается мне самой искренней улыбкой, которую я здесь видела.

Я киваю и присаживаюсь на краешек кресла напротив.

— Меня зовут Александр, — он представляется, кладя руку себе на грудь. — Я очень рад наконец с тобой пообщаться.

— Мне тоже очень приятно, — я зажимаю ладони между коленями.

— Как ты, скорее всего, знаешь, мы с твоим папой планируем перевести тебя в филиал поближе к твоему дому, — он заглядывает в свой блокнот. — Как ты на это смотришь?

Сердце слегка кольнуло, когда Александр упомянул о моём отце, голос которого я слышала в последний раз, когда он разговаривал с бригадой, увозившей меня сюда.

— В горах? — уточняю я местоположение новой клиники.

— Да, — кивает Александр.

— Мне бы очень этого хотелось, — я подаюсь чуть вперёд и улыбаюсь врачу.

— Эта клиника отличается лёгкой степенью контроля, — начинает объяснять врач. — Пациенты свободно передвигаются по всей территории клиники, а некоторые даже могут выходить в город.

Я киваю, слушая то, что уже давно знала. Я мечтала о переезде в эту клинику с самого первого дня здесь. Относи-

тельная свобода, медицинская помощь и полное избавление от лечащего врача и его пыток.

— Но ты понимаешь, что не все готовы переехать туда, — Александр смотрит на меня пристально, но его взгляд не давит. — Я наблюдал за тобой, читал все отчёты твоего лечащего врача, — он перелистывает несколько листков в своём блокноте. — У меня сложилось впечатление, что тебе намного лучше. Я бы хотел задать тебе несколько вопросов, если ты не против.

— Да, конечно, — отвечаю я, приготавливаясь врать, если потребуется.

— Как давно ты уже не слышишь голосов в голове? — начинает он с самого важного вопроса.

Примерно пятнадцать минут, если не считать сейчас.

— Давно, — я заставляю себя говорить чётко.

— Как ты думаешь, в этом помогли лекарства или процедуры?

— Лекарства, — я ответила слишком быстро, и мне кажется, что Александр смотрит на меня как-то подозрительно. — Но процедуры ускорили эффект, — добавляю я. — Думаю.

Александр быстро записывает что-то в своём блокноте и задаёт ещё несколько вопросов о моём самочувствии, расписании дня, чем я занимаюсь и моих увлечениях, которые я приобрела в клинике. Если бы я могла, то сказала бы ему, что голос меня не покидал ни на минуту, но за два года я

научилась уменьшать его громкость; процедуры, которыми меня подвергал Дориан, больше походили на средневековые пытки; а то, что я делаю звёздочки из полосок бумаги разного цвета, чтобы дни шли быстрее, нельзя назвать «увлечением». Но я молчу, киваю и снова притворяюсь, что всё прекрасно, ведь если я скажу правду о своём враче, мне вряд ли кто-то поверит. Я «больна», а Дориан потом превратит моё пребывание здесь в ад, меня не переведут в другую клинику, и я так и останусь в этой дыре навсегда.

Наша беседа растянулась примерно на сорок минут. Я прилежно отвечаю на все вопросы Александра, смеюсь над его шутками там, где нужно, понимающе киваю, когда нужно.

— Я очень рад, что наше лечение идёт тебе на пользу, — улыбается он, и его глаза превращаются в щелочки. — Прости, но я не могу не задать тебе последний вопрос. В каком-то смысле он один из самых важных, поэтому я оставил его напоследок.

— Конечно, — понимающе киваю я, облокотившись на спинку кресла и подтянув ноги в пижамных штанах к груди.

— Рада, расскажи мне о том дне, когда ты ещё была ребёнком, — лицо Александра заметно серьёзнеет. Сейчас на нём нет той беззаботной улыбки, она меняется на мину участия и понимания.

— Что вы хотите услышать? — я поднимаю голову, заставляя себя казаться уверенной.

— Что ты помнишь? Что случилось с твоей подругой?

— Я помню солнечный день. Она протягивает мне апельсин, потому что девчонки опрокинули мой поднос с обедом, — я смотрю на картину, висящую за спиной Александра, но не вижу, что на ней. Меня уносит в воспоминания о, возможно, одном из самых судьбоносных и ужасных дней в моей жизни. — Мне так хотелось есть. Я беру апельсин, наши пальцы соприкасаются, — я запинаюсь, потому что знаю, что настал момент для лжи.

— А что дальше? — Александр перемещается на край кресла, упираясь локтями в свои колени.

— А потом ей становится плохо, — я резко перевожу взгляд на врача. — Она падает. Кричит, но крики быстро стихают. Из рта идёт пена. Она так тряслась... — я закрываю глаза, словно желая избавиться от этих страшных картинок, но знаю, что они никогда не покинут меня, даже в темноте.

— Почему твоей подруге стало плохо?

— Она болела, — я киваю, соглашаясь повторить слова, которые вдалбливали в мой мозг все врачи в этой клинике, которые хочет услышать Александр. Возможно, эти слова правдивые. — Она страдала эпилепсией, и у неё случился приступ.

Александр выдыхает и заметно расслабляется.

— Как ни прискорбно, но да, — грустно улыбается он. — Мне приятно слышать, что ты больше не винишь себя в этой

трагедии.

— Конечно нет, — я грустно улыбаюсь ему в ответ и смотрю на свои руки. — Хотелось бы мне понять это раньше, тогда, может быть, я не начала слышать эти голоса.

— Никто не застрахован от таких потрясений. Твоя психика не смогла выдержать этой травмы, тогда она и дала трещину, со временем эта трещина пошла дальше. Что ж! — он громко закрывает блокнот и кладёт его на подлокотник кресла. — Думаю, что ты будешь прекрасно себя чувствовать в новой клинике!

Я отвыкла от ощущения счастья, и теперь тело будто не знает, что делать. Я улыбаюсь так широко, что щёки сразу же заныли от напряжения.

— Заезд каждую пятницу, — продолжает Александр. — Поэтому нам придётся подождать ещё несколько дней, но думаю, что ты не слишком расстроишься.

Я не расстроилась... Я вне себя! Но мне приходится вновь взять себя в руки, чтобы не показать своих чувств. В конце концов, по моей легенде я как минимум должна спокойно отреагировать на почти недельное пребывание в месте, которое помогло мне излечиться от чувства вины и шёпота в голове.

К моему облегчению, выйдя из кабинета Александра, меня встречает не Дориан, а интерн и провожает в общую комнату. Из-за плохой погоды вместо обычной послеобеденной прогулки всех собрали здесь. Кто-то из пациентов раскра-

шивает картинки за столами, другие играют в шахматы, заменяя потерявшиеся фигуры крышками или монетами, кто-то смотрит передачи по телевизору, которые я уже наизусть выучила. За спиной закрывается дверь. Я направляюсь напрямиком на своё обычное место за столом, рядом с Еленой, девушкой моего возраста, которая в клинике находится намного дольше меня. Её чёрные волосы уже отросли, и скорее всего Елену скоро опять постригут. Девушка склонилась над бесцветной картинкой плюшевого медвежонка, старательно раскрашивая в ярко-красный цвет, не заходя за края.

— Ну как? — Елена поднимает на меня взгляд своих карих глаз.

— Ты первая, — я еле сдерживаюсь от того, чтобы не выложить подруге хорошие новости.

— Я еду! — шепчет Елена. Её лицо расплывается в улыбке.

— Я тоже! — я повторяю её улыбку.

В глазах подруги я вижу отражение собственной радости. Никому из нас не придётся оставаться в этом месте в одиночку. Я одобрительно толкаю её плечом, она отвечает мне тем же. Мы тихо смеёмся, не желая поднимать лишнего шума.

— О чём он тебя спрашивал? — интересуется Елена.

— Обычные вопросы, — я нарочито делаю голос скучающим. — Заставила ли адская скука этого места сдохнуть зверя в моей голове, или он всё ещё сидит там? Смирилась ли я со своим диагнозом, или до сих пор считаю, что причи-

ной голосов является что-то сверхъестественное? Всё в таком духе. Ну, ты знаешь.

— Да, — кивает Елена. — Мои вопросы были похожими. Всё надеялся услышать, что я больше не верю в то, что Боги скоро явятся людям и начнётся конец света. Ощущала себя на самом важном экзамене в своей жизни, хоть и знала все правильные ответы.

Я смеюсь, прекрасно понимая, о чём говорит подруга.

После того как мне одобрили перевод в другую клинику, обычное расписание оставшегося дня кажется мне уже не таким скучным, зелёные стены не давят, а ужин в кои-то веки досолили. После еды я, как и большинство пациентов, иду в свою комнату для личного времени и приготовления ко сну. Подруга желает мне спокойной ночи и направляется в маленький храм при клинике вместе с небольшой горсткой тех, кто ждёт пришествия богов, считают себя мессиями, говорят со святыми или всё сразу, как Елена.

Одним из немногочисленных плюсов этого места — пациенты живут в своих комнатах одни, у каждого своя ванна, но есть и минусы — двери невозможно запереть. Вернувшись к себе, я первым делом беглым взглядом примечаю всё, что хочу забрать с собой в новую клинику. В общем-то таких вещей оказалось немного: дневник, который мне выдали здесь, плюшевого фиолетового дракона с дыркой на лапе и сборник сказок, которые читала мне мама в детстве. Никогда бы не подумала, что такие безделушки окажутся самым драгоцен-

ным моим сокровищем.

Час я трачу на то, чтобы нацарапать несколько строк в своём дневнике — задание психотерапевта на утренней групповой сессии. Мне не нравится рыться в своих чувствах. Кажется, что я заглядываю туда, куда не должна, бужу то, что должно оставаться в коматозе, ведь успокоить это мне стоит колоссальных усилий. Иногда случаются инциденты, подобные тому, что произошёл в детстве.

Это была случайность. Она была больна. Я не виновата.

Я захлопываю дневник и откидываю его на край кровати, когда уже не могу продолжать игнорировать ощущение падения в желудке. Тру виски в надежде, что это поможет избавиться от появляющейся головной боли, но безуспешно. Тогда я решаю принять душ. В ванной комнате вода идёт из лейки в потолок, чтобы мы не смогли воспользоваться соблазном и не использовать душевой шланг не по назначению... Я поворачиваю краны и жду, пока температура воды не станет идеальной, а затем встаю под искусственный дождь. Звук падающей на кафель воды заглушает звуки в коридорах, тревожные мысли, депрессию и усталость. Только здесь, закрыв глаза, я могу представить, что нахожусь в другом месте. Я стою под почти кипятком, пока подушечки пальцев не сморщатся, а кожа не порозовеет. Потом выхожу и сразу же надеваю тапочки. Вытираю запотевшее стекло и долго смотрю на своё отражение. Выступающие ключицы, впавшие щёки, тёмные круги под тусклыми зелёными

глазами, белые пожухлые волосы. Я пытаюсь вспомнить, как я выглядела до того, как оказалась здесь, но не могу. Хотя я уверена, что не так паршиво, как сейчас. Кажется, я даже была привлекательной, но безвкусная еда, депрессивная обстановка и голос в голове сделали своё дело, и теперь из зеркала смотрит лишь тень прошлой меня. Я любила спорт, всегда отличалась хорошим крепким телосложением, но на том, чем они здесь кормят, далеко не пробежишь. Раньше меня радовали наряды, теперь у меня и шкафа своего нет, ведь одинаковую пижаму нам выдают каждый день, но я не особо расстраиваюсь. По крайней мере она скрывает измождённое тело.

Я разочарованно трясую головой и опускаю глаза, не в силах больше смотреть на себя. Быстро распутываю мокрые волосы и заплетаю их в косу, чтобы не мешались во время сна, а затем чищу зубы и возвращаюсь в кровать. По обыкновению беру сборник сказок, бережно перелистываю страницы с яркими картинками в поисках своей любимой истории. Мне нравится каждая из сказок, но главная героиня этой истории больше всего запала мне в душу ещё в детстве. Злой колдун заточил принцессу в башне. Обычно таких героинь спасают рыцари, но не здесь. Принцесса побеждает колдуна сама. Кто же знал, что через несколько лет моя жизнь будет похожа на жизнь героини этой истории. Разница лишь в том, что спасти свою задницу я не в силах, поэтому не отказалась бы от помощи принца, рыцаря, гоблина, бога или даже демона.

Звук открывающейся двери заставляет меня покинуть беззаботный мир грёз. Я раскрываю глаза и устремляю их в темноту перед собой, не смея пошевелиться. Эти шаги за спиной я всегда узнаю. Дориан тихо подходит к моей постели и на секунду замирает надо мной. Кровь стынет в жилах от ужаса. Всё тело словно обдало ледяной водой. Меня парализовало, как бывает каждый раз, когда Дориан подходит ко мне. Обычно он берёт стул у стены, ставит его у моей кровати и сидит на нём часами, наблюдая за тем, как я сплю, вернее, делаю вид, что сплю, но сейчас Дориан не торопится на своё место. Он стоит надо мной долго, слишком долго. Я кожей чувствую его взгляд. К моему ужасу, матрас прогибается под его весом, издавая жалобный звук, который откликается у меня в душе. Дориан наклоняется так близко, что его липкие губы касаются моей шеи. Ни один мускул не слушается, я продолжаю лежать неподвижно, вопреки голосу в голове, который приказывает бежать.

— Я знаю, что ты не спишь, — шепот Дориана получается каким-то гортанным. Я с силой зажмуриваюсь. — Ты никогда не спишь, когда я навещаю тебя, — лицо и уши начинают гореть. — Но ничего. Так даже лучше.

Боги, если вы существуете, помогите. Кто-нибудь, помогите! К моему ужасу, я чувствую, как одеяло медленно сползает, оголяя плечо.

— Он сказал мне, что ты уезжаешь, — продолжает Дори-

ан, имея в виду Александра и мой переезд в другую клинику. — Я уверял, что ты ещё не готова. Я пытался что-то изменить, но он настаивал, — я слышу, как Дориан глотает слюну. — Рада, я пытался, — его пальцы прикасаются к моему голому плечу, и от этого по всему телу проходит электрический ток, поднимая волоски на коже. — Я не смел и думать об этом, — его голос становится настолько тихим, что я еле слышу его за гулом крови в ушах. — Но это последние наши дни вместе, и мы должны запомнить их на всю жизнь.

Меня начинает мутить, когда Дориан медленно гладит моё плечо.

Выпусти меня.

Горло сдавило, и я не могу закричать, позвать на помощь. Дориан спускается ниже по руке, берёт край одеяла и опускает его.

Выпусти меня. Я защищу нас.

Я не могу. Не сейчас, когда я так близка к свободе.

— Я буду скучать по тебе, — шепчет Дориан. — А ты?

Сквозь плотно сжатые веки просачиваются слёзы. Я не верю, что это происходит со мной, что Дориан сейчас сидит рядом на кровати, что он наконец решился на это. Дыхание перехватывает от паники.

Ты знаешь, что произойдёт с нами, с тобой, если не выпустишь.

Я знаю, но я потратила два года на то, чтобы научиться сдерживаться. Ещё один «инцидент», и я останусь здесь на-

всегда.

— Ты будешь скучать по мне? — повышает голос Дориан, явно разозлившись на то, что я не отвечаю ему. — Рада! Я разговариваю с тобой!

Дориан резко тянет меня за плечо, заставляя повернуться на спину и посмотреть на него. Демон срывается с поводка, я вытягиваю руку к врачу и хватаю его за горло. Он делает глубокий вдох, пытается высвободиться, но теперь его держу уже не я, а то, что во мне. Последнее, что я вижу своими глазами — первобытный ужас на лице Дориана.

С ноги я открываю дверь в разум ублюдка. Перебираю страх за страхом, ища самый сочный, самый неподдельный, самый откровенный, оставляя за собой лишь руины. Я наслаждаюсь тем, что уничтожаю его сознание. Его крик — музыка, подсластившая мой ужин из ужаса. Когда я в последний раз могла так повеселиться? В следующий раз мне позволят поиграть не скоро, поэтому я намерена развлечься. Я пробираюсь всё глубже и наконец нахожу то, что искала. Я чувствую, как ускоряется его пульс, сердце отчаянно пытается продолжать биться. Мне нужно поторопиться, если хочу успеть до того, как оно остановится, и мудака превратится в мешок мёртвой плоти и киселя вместо мозгов. В таком состоянии люди уже бесполезны, они перестают бояться. Я подхожу к яркому огонёчку и заглядываю внутрь. Из меня вырывается смешок, когда я понимаю, чего же по-настоящему боится этот урод. Его покойный отец с ремнём в одной

руке и зажжённой сигаретой в другой.

Я протягиваю руку к огонёчку. Ладонь приятно покалывает, когда тот удобно устраивается в ней. Рот наполняется слюной, когда я сжимаю страх в руке, готовясь откусить от него большой и сочный кусок, как вдруг что-то — точнее, кто-то — отталкивает мою руку. Огонёк выпадает из ладони. Я хочу наклониться за ним, но не могу. Меня откидывает назад, словно потянули за поводок на моей шее.

Я отчаянно хватаю ртом воздух, надеясь восстановить дыхание, но только через долгую секунду понимаю, что чтобы сделать вдох, нужно сначала прекратить истошно кричать. Ошалело оглядываюсь по сторонам, пытаюсь вспомнить, что произошло. Я сижу на холодном полу, облачаясь на кровать, а в полумраке замечаю фигуру мужчины. Дориан?

Нет, нет, нет!

Дверь открывается. Медбрат, прибежавший на мой крик, выпускает свет из коридора в мою палату, и теперь я могу видеть бледное лицо Дориана, перекошенное в ужасе.

— Это оно! Это снова оно! — кричу я. — Я пыталась это сдержать, но голос в голове заглушил мой собственный, — я запускаю пальцы в волосы, царапая кожу головы. — Оно снова здесь, — вою я. — Оно пытается вернуться. Прошу, уйдите! — увидев состояние Дориана, медбрат ненашутку пугается, к страху Дориана примешивается и его новый, и теперь сдерживать зверя становится практически невозможно. Всё тело сковывает адская боль.

Сквозь слёзы я вижу, как в палату заходит ещё один мужчина. Пока первый помогает Дориану встать, второй направляется ко мне. Я пытаюсь остановить его, умоляю не прикасаться, потому что не хочу навредить, но придурок не слушает. Он заламывает мне руки, прижимает меня к полу. Я кричу и лягаюсь, повторяя снова и снова, что здесь небезопасно, что им нужно уходить, пока я сдерживаю своего демона. Я не уверена, но похоже, мне в руку загнали иглу. По вене бежит дурман, мои крики становятся тише, слова превращаются в кашу. В глазах кружится проход в освещённый коридор, где мелькают сгорбленные фигуры Дориана и медбрата. Я проваливаюсь через пол в чёрную пустоту.

Глава 2

Когда дурман отступал, мне приносили поесть, я ковыряла то, что называют здесь едой, затем меня снова обкалывали успокоительными, и я впадала в беспамятство. Один плюс успокоительных — они влияют не только на меня, но и на зверя внутри, успокаивают надолго. Судя по количеству приёмов пищи, я предполагаю, что пробыла в белой комнате для буйных пациентов примерно четыре дня.

До восемнадцати лет меня убеждали, что голос в голове — плод моего буйного воображения. Настаивали на том, что мне нужно его игнорировать, но когда продолжать это делать стало уже невозможно, я сломалась. Отец закрыл меня в этой клинике. Мне поставили диагноз и продолжили убеждать в том, что моему состоянию есть вполне логичное объяснение. Я даже поверила им, до недавней ночи, когда чуть не убила своего лечащего врача. Теперь я уже ни в чём не уверена. В те редкие мгновения перед тем, как мне введут иглу в вену, я вспоминала этот «инцидент» и то, что ему предшествовало. Мне даже жалко, что я остановила себя и не дала сердцу Дориана разорваться. Теперь меня оставят здесь, в этой дыре, с ним. При таких мыслях я даже была рада медсестре и дури, что она приносила с собой.

Сегодня на подносе с завтраком в картонной таре лежат несколько разноцветных таблеток. Я глотаю их, не задавая

вопросов. Их появление значит, что мне перестанут колоть успокоительные и что меня переводят на обычный режим. После завтрака медсестра действительно заходит с пустыми руками, чтобы отвести меня к остальным пациентам. Пока мы идём по ярко освещённому коридору, я решаюсь спросить про Дориана.

— У него был сердечный приступ, — отвечает медсестра. — Я слышала, что ему уже лучше, и он скоро вернётся к своим пациентам, — в голосе девушки слышится сочувствие.

Я молча киваю, мысленно готовясь к тому, что последует за возвращением Дориана.

— Вам повезло, что он совершал обход и оказался рядом с вашей палатой, когда у вас начался приступ. Он перенервничал, когда помогал вам, и сердце не выдержало, — девушка грустно улыбается мне, ожидая, что я разделю её восхищение преданностью своего начальника делу.

Я сдерживаю грустный смешок. Так вот как он объяснил своё нахождение в моей палате ночью.

Мудак.

Я заставляю себя улыбнуться девушке в ответ, но по морщинке между её бровями понимаю, что у меня не очень-то получилось скопировать искреннее восхищение. Я быстро отворачиваюсь и опускаю глаза в пол.

Меня выводят в коридор и сопровождают в зал, где пациенты проводят время за лечебными уроками изобразительного искусства и рукоделия. Когда за мной закрылась дверь,

мне захотелось упасть на колени и зарыдать, но я сжимаю челюсть так сильно, что скулы начинают ныть от боли, и заставляю себя пройти в глубь комнаты со светло-зелёными стенами. Никто не обращает на меня внимания, склоняясь над своими работами. Глазами я нахожу Елену и начинаю пробираться между длинными столами и стульями к ней.

Подруга грустно улыбается, приподнимая уголок бледных губ в знак приветствия.

— Я взяла тебе полоски, — шёпотом говорит она, кивая на стопку длинных полосок бумаги всех цветов радуги, которые медсестра предусмотрительно нарезает для меня каждый раз.

— Спасибо, — выдавливаю я из себя и падаю на стул.

Морщась, я беру ближайшую полоску жёлтого цвета и заученными движениями начинаю складывать из неё звёздочку.

— Мне сказали, что я переезжаю завтра одна, — Елена поворачивается ко мне, но я не возвращаю ей взгляд.

Я понимала, что после моего срыва меня не переведут в другую клинику, но слышать подтверждение этому оказывается невыносимым. Глаза начинает щипать.

— У меня был приступ, — прочистив горло, наконец отвечаю я.

Делаю петельку из полоски, продеваю другой конец в петельку.

— Боги... — выдыхает подруга. Она явно не знает, что

ещё сказать.

Да и что тут скажешь...

— Я больше не знаю, кто я, Елена, — я глотаю ком в горле.

— Я не уверена, что я больна. И это меня пугает.

— Я тебя не понимаю.

— До восемнадцати лет меня убеждали, что со мной всё хорошо, после восемнадцати меня убеждали, что я больна, но сейчас я не верю ни в одно, ни в другое, — я заостряю кончики у бумажной звёздочки пальцами. — Со мной действительно что-то не то, но не думаю, что это можно объяснить медициной.

Только теперь я поворачиваюсь и смотрю Елене прямо в глаза. Два года, что я провела в клинике, я не разрешала себе даже в мыслях произносить то, что хочу сказать сейчас вслух. Я открываю рот, но мои глаза фокусируются на том, кто сидит за спиной Елены. Мужчина оказался в клинике недавно. Лекарства превратили его в тихого, покорного пациента, но в начале он без умолку кричал, уверял, что не сумасшедший, что действительно видел монстров в тоннеле метро. Тогда я считала его чокнутым, но сейчас... Возможно, мы похожи. Теперь я смотрю на мужчину совсем другими глазами, чувствуя с ним связь, ведь я знаю, какого это, когда тебя считают сумасшедшим.

Я резко оборачиваюсь, чтобы убедиться, что медсестра на посту полностью погружена в чтение книги, затем бесшумно поднимаюсь со стула.

— Что ты делаешь? — Елена хватает меня за руку и тоже оборачивается на медсестру.

— Если я не больна, тогда я проклята. Одно из двух. Пора это выяснить, — я резко выдергиваю руку и, не дожидаясь ответа подруги, делаю шаг в сторону.

Мужчина продолжает смотреть на чистый лист на столе перед собой.

— Здравствуй, — я сажусь сбоку от него на корточки и заглядываю ему в лицо. — Меня зовут Рада, — никакого ответа. — Я хотела спросить, что произошло с тобой в метро, — я надеюсь, что эти слова вернут его в реальность, и он хоть как-то отреагирует, но мужчина продолжает молчать.

Я опускаю глаза на перед рубашки, где у всех нас на пижаме вышито имя. «Игор».

— Игор, — я вновь поднимаю глаза на его лицо. — Я верю тебе, — только после этих слов мужчина переводит на меня затуманенный взор. — Я хочу попробовать увидеть то, что видел ты. Ты позволишь? — Игор еле заметно кивает, и я накрываю его руку своей.

Как и меня, Игоря убеждают в его болезни. Если я действительно проклята, то потратила два года на ложь. Я отчаянно нуждалась в ком-то, кто сказал бы, что верит мне. Если Игор прав, то я хочу быть той, кто скажет ему об этом, даст ему надежду. После первого срыва в детстве голос в голове на какое-то время стих, словно заснул после плотного обеда, успокоительные в течение двух лет в клинике тоже заглуши-

ли его. В теории, если я действительно проклята, то после нападения на Дориана, курса успокоительных я смогу контролировать себя, ненадолго зайти в разум Игоря и не оставить после себя руины.

Я разочарованно трясую головой, когда понимаю, что собираюсь сделать. Это безумие. Я действительно верю в то, что проклята, и смогу увидеть воспоминания Игоря? Но я и так уже в психиатрической клинике, веду я себя вполне нормально для этого места. Я выдыхаю и закрываю глаза.

Я сажаю своего демона на поводок подлиннее и позволяю ему увести меня глубже в разум Игоря. Несмотря на то что зверь успел сожрать достаточно страха Дориана, желудок всё равно заболел от голода. Я стараюсь игнорировать его и желание разорвать сознание Игоря на куски и осторожно пробираюсь сквозь его воспоминания в поисках нужного.

Рука Игоря дергается, и я открываю глаза. Дыхание перехватывает от того, что я только что ощутила. Кажется, я прикоснулась к чему-то потустороннему. Я оборачиваюсь на пост медсестры. Женщина с головой погружена в чтение.

Я облизываю губы, рассуждая, стоил ли продолжать. Да, я что-то почувствовала, но я могла это себе внушить. Я всё ещё не увидела воспоминания Игоря — подтверждение, что я могу залезть в разумы людей. По коже пробежали мурашки, когда я вспоминаю ощущение голода, но мне нужно быть уверенной в своём диагнозе и диагнозе Игоря. Мне нужно увидеть, что же с ним произошло на самом деле.

Молодой и очень симпатичный медбрат любил болтать после секса. Когда у нас получалось незаметно сбежать, он рассказывал мне новые сплетни. От него я узнала, что Игорь работал в метро и попал под поезд в строящемся тоннеле. Якобы это и стало причиной его нервного срыва. Нихрена себе поезд! Обычно после поезда от людей остаётся кровавое месиво. Игора же нашли в глубине тоннеля с ранами, которые больше похожи на раны от когтей какого-нибудь медведя. Я помню его свежие швы на руках и лице. Жена грозила подать в суд на город, поэтому им оплатили лечение в лучших клиниках. Так Игорь оказался здесь.

Я запрещаю себе чувствовать тоску по парню, которого уволил Дориан, когда узнал о нашей связи. Я больше никогда не видела его, а жаль, ведь он был одним из немногочисленных развлечений в этой дыре.

Я закрываю глаза и возвращаюсь в разум Игоря.

Я нахожусь в тускло освещённом тоннеле. Редкие лампы заливают его бледным светом. Здесь пахнет сыростью и металлом. Все рабочие ушли на перерыв, поэтому вокруг ни души. Я оборачиваюсь назад. Игорь опустился на одно колено и рассматривает стыки между новенькими рельсами. Я подхожу ближе, но мужчина меня не слышит — ведь меня здесь нет.

Внезапно из темноты за нами доносятся звуки движения. Ту часть ветки метро ещё не начали реконструировать, поэтому лампочек там нет. Мужчина медленно выпрямляется,

не отводя глаз от черной дыры.

— Эй! — кричит он в темноту. Звук его голоса отскакивает от стен тоннеля и разносится в обе стороны. Ответа не слышно.

Как только мужчина отворачивается, решив, что ему показалось, в темноте раздаются новые звуки. Кто-то явно ходит по закрытому тоннелю.

— Чтоб вас забрал Рагнар, — бурчит под нос Игор. — Здесь нельзя находиться!

Ответом ему служат лишь новые шорохи.

Выругавшись ещё раз, мужчина достаёт из кармана рабочей куртки фонарик и нерешительно направляется к неосвещённому участку. Пройдя несколько шагов, Игор возвращается и подходит туда, где стою я. Инстинктивно я делаю шаг в сторону, хотя он прошел бы сквозь меня. За мной стоял чемодан с инструментами. Я терпеливо жду. Наконец мужчина достаёт железяку, один конец которой напоминает крюк. Взвесив «оружие» в руке, мужчина направляется на поиски источника звука.

Кружок света от фонарика освещает сначала одну стену тоннеля, затем перебегает на другую. Я не отстаю от Игоря ни на шаг. Мы проходим в старый тоннель на несколько метров и останавливаемся у развилки. Справа снова раздаются звуки. Мысли мужчины звучат у меня в голове, словно мои собственные: «Переход длиной метров пять, не больше, а за ним — работающая линия метро. Не хочется попасть под

поезд...»

Игор медлит, но всё же делает шаг в переход. Звуки впереди становятся всё больше похожи на чавканье.

— Кто здесь? — вновь зовёт Игор, но уже не так громко и уверенно.

Свет фонарика ещё быстрее мечется из стороны в сторону и на мгновение освещает какое-то движение впереди. Мокрое чавканье прекращается. В эту секунду с невероятной скоростью проносится поезд, освещая переход светом из окон. Между нами и поездом, спиной к нам, сидит что-то... или кто-то. Я ощущаю страх Игор. Мы оба замираем, пытаюсь разглядеть неестественно худую и бледную фигуру и то, что лежит у её ног. Оторванная рука? Поезд проезжает так же быстро, как и появился, и фонарик в дрожащей руке Игор вновь становится единственным источником света. Существо слегка выпрямляется, почувствовав наше присутствие. Оно поворачивает свою лысую голову. Я щурюсь, чтобы лучше разглядеть его. В голове возникает безумная мысль: сидящий перед нами — вовсе не человек. Мне кажется, или я вижу окровавленный рот, полный острых клыков?

Тварь остаётся на месте, но за спиной раздаётся рычание. От неожиданности Игор роняет фонарик и в панике наклоняется, чтобы поднять его. В эту секунду монстр нападает и валит мужчину на спину. Я чувствую боль Игор от острых когтей. Несмотря на худое телосложение, чудовище оказывается тяжёлым и с лёгкостью придавливает Игор к полу.

Вопли, перемешанные со звериным рыком, разрывают барабанные перепонки. Тварь приподнимается, чтобы укусить мужчину в шею. Каким-то чудом Игору удаётся не выронить свою железку. Вытянув руку, он ставит её между собой и клыками твари. Раздаётся скрежет металла. Собрав последние силы, мужчина наконец отталкивает монстра и поднимается. Тот явно не ожидал такого сопротивления, потому что отпускает железку и заваливается на бок. Не дожидаясь, пока тварь опомнится и нападёт снова, Игор пронзает острым концом инструмента тело чудовища. Раздаётся нечеловеческий вопль. Хвала богам, железка, видимо, угодила в жизненно важную часть тела, потому что оно не стало догонять свою добычу.

Я беспомощно наблюдаю, как мужчина, истекая кровью, ползёт туда, где уже виден свет нескольких фонариков. На крики сюда бегут рабочие. Я поворачиваюсь назад. Обе твари исчезли, оставив после себя только лужи красной и чёрной, как смоль, крови.

Меня резко вытягивает из разума Игор. Сердце бешено колотится, как после ощущения падения во сне. На мгновение я не понимаю, где нахожусь. Вокруг суматоха. Сметённая, я озираюсь по сторонам в поисках Елены. Подруга стоит чуть поодаль и с тревогой смотрит на меня. Персонал в белой форме уже заходит, чтобы разобраться, что здесь происходит. Я перевожу взгляд на Игор. Он упал со стула и теперь лежит на полу рядом со мной. У мужчины бледное ли-

цо, он вот-вот отключится, но его глаза неотрывно смотрят на меня, словно ожидая вердикта.

— Я тебе верю, — успеваю тихо сказать я, перед тем как меня хватают за пижаму и не церемонясь поднимают на ноги.

Грудь Игоря плавно опускается, словно он задержал дыхание в ожидании моего ответа, и теперь, когда есть хоть один человек, кто не считает его сумасшедшим, он облегчённо выдыхает.

— Я услышала шум. Они оба лежали на земле, — лепечет медсестра, которая должна была следить за пациентами.

Я быстро собираюсь с мыслями. Сейчас это вопрос спасения.

— Он упал, — начинаю объяснять я. — Я первая заметила и попыталась его поднять, но он оказался слишком тяжёлым. — Я улыбаюсь извиняющейся улыбкой.

Я надеюсь, что медсестра была слишком увлечена чтением и увидела нас уже лежащими на полу. Девушка не возражает моей лжи, и я облегчённо выдыхаю. Медбрат ослабляет хватку и нехотя отпускает меня. Я делаю шаг в сторону Елены.

— Что случилось? — шепчет она.

Мы обе наблюдаем, как Игоря выносят в коридор, чтобы оказать первую помощь.

— Я видела его воспоминания, — отвечаю я подруге так же шёпотом. — Я залезла к нему в голову и увидела то, что с ним произошло той ночью. Он не сумасшедший.

— Если это правда и ты действительно увидела его воспоминания, — двери за Игором закрываются, и все постепенно расходятся по своим местам, — то тогда что с тобой не так?

— Я проклята, — уверенно отвечаю я подруге, когда мы садимся за стол.

Минутное облегчение от того, что теперь я точно знаю: я в здравом уме, сменилось полной опустошенностью и отчаянием. Я проклята, и в психиатрической клинике мне никто не поможет. Никто не поверит, чтобы пригласить жреца, который избавил бы меня от этих способностей, и что-то подсказывает, что простая молитва не спасёт.

— Тогда эту проблему могу решить я, — вдруг решительно говорит Елена. Я поворачиваюсь к подруге, не скрывая замешательства. — Можно заключить сделку с Богом Смерти, — отвечает Елена на моё выражение лица. Её тон такой, словно она объясняет нечто совершенно обыденное.

Из меня вырывается смешок. Ничего не отвечая, я возвращаюсь к своим бумажным звёздочкам.

— Не смей смеяться над Рагнармом, — громко шепчет она.

Я сдерживаюсь, чтобы не сказать, что смешок предназначался не ему. Поджимаю губы и молча киваю.

— Его можно вызвать и заключить сделку. Ты попросишь его вылечить тебя и вытащить из клиники.

Слепая вера Елены в эти слова заставляет меня вновь вернуться к ней и задать вопрос вполне серьёзным и ровным тоном:

– Почему тогда ты этого ещё не сделала?

– Потому что меня не нужно освобождать, — пожимает плечами Елена.

А вот это заявление кажется мне ещё более безумным, чем совет обратиться к Высшему Богу Смерти за помощью.

– Оказаться на улицах этого сумасшедшего мира, который катится в бездну благодаря еретикам? Нет уж. Здесь я могу полностью окунуться в святыя писания, отдать себя служению Богам. Быть маяком для заблудших душ, которых привела сюда Великая сила, вместе с моими сторонниками.

И я молча перевожу взгляд туда, куда махнула подруга, указывая на свою единомышленницу, которую пафосно назвала «маяком для заблудших душ». Взъерошенная престарелая женщина сидит за столом, раскачиваясь из стороны в сторону, и рисует карандашом на парте неизвестные мне символы. Я возвращаю глаза на Елену.

– Понятно, — снова киваю я.

– Рада, ты веришь, что проклята, но не веришь, что от этого можно найти спасение в Боге Смерти? — теперь на лице Елены видны насмешка и жалость.

Я хочу ответить, но останавливаюсь. Как бы мне этого ни хотелось, Елена права...

– Хорошо, — резко выдыхаю я. — Что мне нужно сделать?

Глава 3

Спросив разрешение у интерна пойти в храм перед сном, я жду медсестру, чтобы та проводила меня. Это крыло клиники полностью отдали под храм, поэтому здесь относительно спокойно и безлюдно. Елена обещала, что сегодня никто из верующих не придёт сюда. Можно сказать, в какой-то степени она — лидер религиозной группы, и каждый, кто хоть немного верит в Богов, слушается её беспрекословно.

Мы с медсестрой, которая провожала меня сегодня в кабинет лечения изобразительным искусством, подходим к высоким двойным дверям храма, одна створка которых всегда открыта. Мне и в дневное время не хочется приходить сюда, но я никогда не думала, что меня занесёт в храм вечером. Тем более с такой нелепой целью. Разочарованная в самой себе, я трясую головой и перешагиваю порог. Девушка хочет зайти за мной следом, но я резко останавливаюсь в дверях, не давая ей пройти.

— Могу я побыть здесь одна? — с надеждой спрашиваю я.

— Извините, не положено, — по лицу девушки видно, что она понимает моё желание уединиться.

— Я хотела бы помолиться о скорейшем выздоровлении Дориана, — разочарованно продолжаю я. — Мне так жаль, что он попал в больницу из-за меня, и я...

— Ваш врач попал в больницу из-за приступа, — успокаиваю

вает меня девушка. — И Дориан скоро вернётся к вам.

— Да, но я чувствую себя виноватой. Я надеюсь, что Боги даруют мне прощение, но боюсь, что не смогу молиться искренне, зная, что за мной наблюдают. — Я поворачиваюсь в сторону алтаря и тру тыльную сторону ладони.

Девушка колеблется. Приподнявшись на цыпочки, она заглядывает в храм, чтобы убедиться, что он пуст, затем оборачивается на пустой коридор и возвращает взгляд на меня.

— Хорошо, — пристально смотрит она мне в глаза. — Только не задерживайтесь. Я буду ждать у входа.

Я с искренней благодарностью улыбаюсь медсестре. Она возвращает улыбку и закрывает дверь, оставляя меня одну. Мне всегда было легко убеждать окружающих, играть нужную роль. Раньше я думала, что просто хорошая лгунья и манипулятор, но после того, как убедилась, что во мне действительно течёт магия, я задумываюсь, не из-за неё ли я точно знаю, что люди хотят услышать.

Мгновение я смотрю на закрытую дверь, затем решительно разворачиваюсь. Все храмы, даже те, что находятся в больницах, похожи друг на друга: полумрак, прямоугольный просторный зал. Единственная разница между обычными храмами и нашим — в обычных всюду расставлены статуи Высших Богов. У нас же из-за протокола безопасности статуи большинства Высших заменили на картины. Однако после многочисленных жалоб верующих пациентов и их родственников у алтаря напротив входа всё же вернули две ста-

туи: Высший Бог Жизни — олицетворяющий само солнце, главный в пантеоне, и Высший Бог Смерти — его противоположность. Я прохожу по проходу между скамейками к столу, что служит алтарём. На нём приклеены муляжи свечей, искусственные цветы.

Я никогда не была сильно верующим человеком, как моя мама, но статую Высшего Смерти я всегда узнаю. Рагнар — единственный, у которого вместо человеческой головы череп барана. Я подхожу к статуе и задираю голову вверх. Каменная громадина высотой метра три. Все скульпторы стараются привнести что-то новое в свои работы, но у Рагнара помимо черепа всегда есть одинаковые детали: голый торс, у ног сидят маленькие фигурки женщины и мужчины с цепями на шее, которые статуя держит в каменном кулаке — знак того, что никто не сможет убежать от смерти и что мы все связаны с Рагнаром. Вторая рука Бога протянута ко мне, словно приглашая пойти с ним. Признаться честно, мне никогда не хотелось принять его приглашение, даже несмотря на то, что скульпторы обычно изображают Высшего Смерти в очень хорошей физической форме.

Что я делаю? — проносится в голове, когда я следую указаниям Елены и нажимаю на чёрную электронную свечу в ладони Рагнара, чтобы та загорелась. Затем подхожу вплотную к статуе и заглядываю в пустые глазницы через огонёк. Почему-то дыхание учащается, хоть это и глупо. Не думаю же я, что сам Рагнар придёт на мой зов? Я начинаю читать

молитву, которую запомнила ещё в семь лет для похорон мамы. Из-за полумрака храма и света лампочки прямо перед глазами я ничего не вижу боковым зрением. Меня словно поглотила темнота, и единственное, что сейчас существует для меня — Рагнар. По коже бегут мурашки, но я продолжаю читать заученные слова, смысл которых давно потерялся для меня. Но как только приходит время назвать имя того, чьего покоя я прошу в мире Смерти, я запинаюсь. Язык не поворачивается произнести своё имя.

Я уже готова отвести глаза, бросить эту затею и уйти, как вспоминаю слова медсестры: «Дориан скоро вернётся к вам». Меня оставили в этой клинике, Дориан скоро вернётся, и я буду заперта здесь с ним ещё на несколько лет, если не навсегда. Я всегда знала, что желания Дорина не заканчиваются на прикосновениях. Он назначал контрастные души, голодовки, когда я сопротивлялась ему, но неделю назад всё изменилось. Теперь этот ублюдок набрался смелости. Что заставит его остановиться в следующий раз после возвращения? После моего «срыва» никто даже не подумает обо мне как о здоровом человеке, никто не поверит, если я решу заговорить. Нет! Я должна попытаться сделать всё, чтобы вылечить себя и убраться отсюда как можно скорее.

Я собираю волю в кулак и наконец произношу вслух последнюю строчку молитвы:

– Высший Бог вечного покоя, король Последнего Королевства, Судья и Страж, Рагнар, подари покой в долине мёрт-

вых Раде.

Тишина оглушает. Готова поспорить, что ощущаю лёгкий ветерок на щеке, словно кто-то прошёл рядом. В нос ударяет слабый запах ванили. С замиранием дыхания я резко оборачиваюсь, но за мной всё та же пустота. Из груди вырывается смешок. Боги, какая же я идиотка. Я тру уставшие глаза и тянусь к ладони Рагнара, чтобы выключить свечу.

— Звала? — слышу я низкий мужской голос за спиной.

— Ебать! — вырывается у меня. Я буквально подпрыгиваю от неожиданности. За мной действительно стоит высокий незнакомец.

— Ты за этим звала?

— Что? — дыхание перехватывает.

— Так быстро меня об этом ещё никто не просил, — хмыкает он. — Может, ужином угостишь сначала хотя бы?

Я открываю рот, но забываю, что хотела сказать. При виде этого мужчины у меня перехватывает дыхание. Любая статуя Высшего в храме позавидовала бы его внешности. Но со статуями у него было намного больше общего, чем просто красивое лицо: от незнакомца веяло холодом и уверенностью, граничащей с надменностью. Чувственные губы плотно сжаты, а глаза цвета тёмного шоколада неотрывно смотрят на меня. Каштановые волны спускаются на плечи, кажется, до середины спины; на макушке мужчина убрал их в хвост, оставив нижние пряди распущенными, некоторые из которых заплетены в маленькие косички и украшены зо-

лотыми бусинами. Причёска смелая, но, клянусь, только он может выглядеть с ней так хорошо. Он одет во всё чёрное: потёртая кожаная куртка, штаны с кофтой и не зашнурованные сапоги чуть выше щиколотки — такие носят солдаты. Мужчина задумчиво трёт подбородок, не отрывая взгляда от меня, и я понимаю, что вся кожа на тыльной стороне обеих его рук и шеи покрыта чёрными татуировками. Дыхание замирает при виде ножен на бедре и... это рукоять меча у него за спиной?

— Подхожу? — наконец нарушает тишину мужчина.

Он разводит руки в стороны и принимается рассматривать себя. Только сейчас я понимаю, что откровенно пялюсь на него с всё ещё открытым ртом.

— Простите, — смущённо улыбаюсь я. — Был сложный день. — Я делаю шаг в сторону, чтобы пулей вылететь из храма.

Вот он точно достоин того, чтобы его закрыли здесь. Псих пришёл в храм клиники с оружием! Как его вообще сюда пропустили? Я бы была в шоке от пистолета или автомата в его руках. Блять, да хоть гранатомет, но меч? Кто он? Родственник пациента? Новый пациент? Боги, не может же он быть доктором.

Я хочу как можно скорее отойти от него на безопасное расстояние, но он вновь обращается ко мне:

— Надо думать. Те, кто зовёт меня, как правило, делают это не от лучшей жизни.

— Зовёт куда? — мне не стоит заводить с ним разговор, но по глупости я переспрашиваю незнакомца.

— Радость, ты так отчаянно звала меня, даже просила своего покоя в моём королевстве, что я не удержался и пришёл послушать, чего ты так сильно желаешь.

— Ты — Рагнар? — я указываю на статую за спиной. Из меня вырывается нервный смешок.

— Да, — просто отвечает он.

Парень считает, что он — божество. Для него точно найдётся палата по соседству с Еленой. Они прекрасно спелись бы. Но вместо того чтобы убежать, найти охранника и предупредить, я стою как вкопанная, не смея возразить.

— Ты звала меня, — снова говорит мужчина. — И я пришёл. Видишь? — он поднимает ладонь, на которой я вижу чёрную кляксу.

Отметка как раз там, где стоит электронная свечка на ладони статуи, будто воск капнул. Объяснение этой отметине на руке можно легко придумать, парень весь в татуировках, но будто сама моя душа знает, что передо мной стоит Высший Бог Смерти, которого она встретила раньше, чем должна была. Я забыла, как дышать. Вопреки всей серьёзности ситуации, в голове вертится один-единственный вопрос: где голова барана?

— Звала, — хриплым голосом наконец говорю я. — Я — Рада.

— Знаю, — закатывает глаза Рагнар и кивает в сторону сво-

ей статуи. — Ближе к делу. Только давай без банальных «Я хочу красоту, богатство и любовь. А за это я отдам тебе свою душу». — Рагнар театрально всплескивает руками. — Я в любом случае получу её рано или поздно.

— Что ты хочешь за то, чтобы вылечить меня? — неуверенно говорю я.

Рагнар не отвечает, а только громко выдыхает, разворачивается и направляется к выходу из храма. Опомнившись только через несколько секунд, я бегу за ним.

— Ты не собираешься заключать со мной сделку? — я догоняю Рагнара, и мы вместе быстро шагаем к выходу.

— Не интересно, — отвечает он, не поворачиваясь ко мне.

Я резко останавливаюсь и кричу Рагнару вслед, прежде чем успеваю подумать, что меня могут услышать за дверями храма:

— Но ты должен мне помочь!

Сама не знаю, почему я так быстро поверила, что говорю с Высшим Смерти, но вот я здесь, умоляю его заключить со мной сделку. К моему удивлению, Рагнар тоже резко останавливается, поворачивается и возвращается назад. Чем ближе он подходит, тем очевиднее, что Бог возвращается не для того, чтобы предложить мне сделку. Он останавливается слишком близко, но я не смею отвести от него взгляд. Меня окутывает запах ванили и сандала.

— Одним из немногочисленных плюсов быть Высшим Богом — я никому ничего не должен, особенно сумасшедшим

людям, — я явно начинаю ему надоедать.

— Ты заключаешь сделки с людьми, что останавливает тебя сейчас? Ты же зачем-то сюда пришёл, — тихо отвечаю я.

Рагнар отдаляется на шаг.

— Мне было интересно, чего может хотеть сумасшедшая, а самое главное — что она готова предложить. Но психиатрия — не моя специальность, — пожимает плечами Рагнар. — Скоро увидимся. — Он машет рукой и разворачивается, чтобы уйти.

— Я проклята, — понимаю, что если у меня ещё есть шанс переубедить Рагнара, то нужно быть честной, — и если я не сдержусь, то могу убить человека силой мысли.

К моему удивлению, мои слова заставляют Рагнара повернуться снова. Между его бровей появляется морщинка.

— Продолжай.

Поёжившись, я повинуюсь.

— Это происходит, сколько себя помню. Во мне будто живёт зверь, который питается страхами окружающих. С каждым днём он всё голоднее, и мне всё сложнее его сдерживать. Бывает, что я... — я запинаюсь.

— Упускаешь контроль, — заканчивает за меня Бог.

Я лишь молча киваю.

— Здесь мне внушали, что все смерти вокруг меня были несчастными случаями и моей вины в них нет, но теперь я уверена, что они ошибались, и я проклята. Нет такого психиатра, который мог бы мне помочь. Я останусь здесь на всю

жизнь, если ты не снимешь с меня проклятие.

Рагнар пристально разглядывает меня, погружённый в раздумья. Я не смею нарушать тишину.

— Хорошо, — наконец говорит он. В его тоне вновь появляется лёгкость. — Я избавлю тебя от твоего проклятья, но сначала ты должна помочь мне.

Как я — человек, могу помочь Высшему Богу Смерти?

— Ты должна зайти в пещеру к Ткачу и забрать одну из нитей жизни, из которых тот плетёт судьбы. Принесёшь мне нить, и я вылечу тебя. Вопросы?

— Ткач? Огромный паук-демон из легенд, который плетёт судьбы всех живущих? Он существует? — недоверчиво переспрашиваю я.

— Радость, ты говоришь с Высшим Смерти. Почему ты считаешь существование демона-паука более удивительным, чем моё? — насмешливо отвечает вопросом на вопрос Рагнар.

С аргументом не поспоришь.

— Перестань называть меня так, — хмурюсь я. — Меня зовут Рада.

— Согласна? — Рагнар не обращает внимания на мои слова.

Я делаю глубокий вздох.

— Ты поможешь мне только после того, как я выполню свою часть сделки, и не раньше?

— Без твоего проклятья ты не зайдёшь в пещеру к демону.

А чтобы выйти из пещеры, тебе нужна подготовка, поэтому ты будешь жить со мной какое-то время, — как бы между делом добавляет Рагнар.

— В Королевстве Смерти? — вскрикиваю я, и эхо разносит мои слова по всему храму.

Рагнар прикладывает палец к губам и шикает на меня, призывая соблюдать тишину.

— Мне нужна эта нить, поэтому ты должна выйти из пещеры живой. Думал, ты не будешь против.

Если избавиться от проклятья можно только достав из пещеры демона нить жизни, то тренировки кажутся не такой уж плохой идеей.

— Чтобы попасть в Королевство Смерти, мне нужно умереть? — сердцебиение учащается, будто доказывая, что оно еще не готово остановиться.

Рагнар делает шаг вперёд, берёт меня за руку и кладёт себе на грудь. Поражённая, я не успеваю помешать ему. Ладонью я чувствую тепло Рагнара и его размеренное сердцебиение через тонкую ткань кофты.

— Я живой, и все, кто живёт в моём королевстве, тоже.

Я не могу заставить себя отвести взгляд от его глаз. Рагнар — первый, кто разрывает наш контакт, отпустив мою руку.

— Согласна? — вновь спрашивает он.

Я облизываю губы. Ни этого ли я хотела? Получить возможность взять свою судьбу в свои руки?

— Хорошо, — твёрдо говорю я, решив, что убедить себя в

целесообразности решения смогу позже.

— Отлично, — просто отвечает Рагнар и поворачивается, чтобы уйти.

— Это всё?

— А что ещё? — поворачивается он.

— Я не знаю. Я ожидала какого-то знака заключения договора, — пожимаю плечами я. — Грома в небе, рукопожатия, поцелуя.

— Посмотри на свою ладонь.

Рагнар вновь показывает свою чёрную отметку. На моей ладони — идентичная метка, словно печать на документе.

— Они не исчезнут, пока мы оба не исполним свои части сделки: ты принесёшь мне нить, я избавлю тебя от проклятья.

С этими словами Рагнар подходит к выходу и без колебаний открывает дверь. Я не успеваю предостеречь его о том, что в коридоре меня ждёт медсестра и она не будет рада видеть постороннего с оружием на территории клиники. Но Рагнар выходит в коридор, и я не слышу криков. Ничего, кроме тишины. Нерешительно я следую за Богом и выхожу в коридор. Здесь никого нет. Больница словно погрузилась в сон.

— Где все?

Вместо ответа Рагнар берёт меня за предплечье и тянет за собой. Мы быстро спускаемся на первый этаж по пустой лестнице и направляемся к пожарному выходу. Он тянется к ручке двери, я уже приготовилась к оглушительному зву-

ку сигнализации, как вдруг Рагнар резко поворачивается ко мне.

– Здесь есть автоматы с шоколадками? – спрашивает он.

Не веря своим ушам, я смотрю на него круглыми глазами.

– Что?

– Автомат с шоколадками. – раздраженно выдыхает Высший.

Секунду я молчу, пытаюсь собраться с мыслями.

– Да, – неуверенно говорю я. – Прямо по коридору и первый поворот. – указываю я на пустой коридор за нами.

Не отвечая мне, Рагнар разворачивается, и вместо того, чтобы свалить из этой дыры, направляется в зал, где обычно проходят встречи пациентов и их родственников.

– Есть мелочь? – спрашивает он, подходя к автомату.

Я поднимаю одну бровь и развожу руками. Не услышав ответа, он недовольно поворачивается ко мне

– Ясно. – фыркает себе под нос Рагнар.

Недолго думаю, Высший разбивает стекло кулаком. Я подсакиваю от неожиданности. Вот теперь нас точно услышат. Сердце колоиться в горле, когда я оборачиваюсь на дверь, но она не открывается. Никто не прибегает на звук.

– Ты что творишь! – громким шепетом спрашиваю я.

Невозмутимый, Рагнар наступает на осколки на полу и берет одну из шоколадок.

– Не паникуй. – отвечает он, и положив шоколадку в карман, выходит в коридор.

Я поджимаю губы и спешу за ним. Наконец мы выходим на улицу через запасной выход. Я вдыхаю прохладный вечерний воздух. Бог даже не думает пригнуться, чтобы остаться незамеченным. Уверенным шагом он идёт по парковке в сторону припаркованных машин. Я спешу за ним, озираясь по сторонам. Я два года провела в этой тюрьме и боюсь представить, как нас замечают надзиратели, бегут за мной и тащат обратно в чистилище.

— Умеешь водить? — спрашивает меня Рагнар, указывая на новенькую спортивную машину.

— У меня нет прав...

— Я не спрашивал, есть ли у тебя разрешение на вождение, — разводит руками Бог.

— Я умею водить, — хриплым голосом отвечаю я. — Но она закрыта. — Я указываю на мигающий синий огонёк на приборной панели, означающий, что включена сигнализация.

Молча Рагнар машет рукой, и двери машины со щелчком открываются.

— Вперед, — Рагнар толкает меня в плечо, а сам обходит машину, чтобы сесть на пассажирское сиденье.

Я усаживаюсь на дорогие кожаные сиденья и закрываю за собой дверь.

— Ты и завести её сможешь? — поворачиваюсь я к Высшему.

Ещё один взмах рукой, и тишину ночи нарушает рёв мо-

тора. Инстинктивно я оборачиваюсь назад, но не вижу никого через заднее стекло.

— Для той, которая оказалась в психушке без причины, ты не слишком торопишься отсюда свалить, — фыркает Рагнар.

Я опускаю глаза, чтобы переключить передачу, но замечаю очки в углублении для стаканов. Дыхание перехватывает, когда я узнаю их, понимаю, кому они принадлежат. Иронично, что мы оказались в машине Дориана. Скорее всего, он приехал на ней в клинику неделю назад, а уже отсюда его увозили на скорой, и машина осталась здесь.

— Что на этот раз? — Рагнар замечает мою реакцию.

Не поднимая глаз, я трясую головой:

— Ничего.

Я резко двигаю рычаг назад и выворачиваю руль к воротам. Как я и ожидала, они раскрываются перед нами, и я вдавливаю педаль в пол. Рёв мотора перекрывает мой смех. Мы быстро набираем скорость, оставляя два года ужаса позади. Дыхание учащается в предвкушении свободы. Я сбежала из клиники и скоро избавлюсь от последних оков — моего проклятья.

Клиника находится на отшибе небольшого городка, жители которого уже спят в такой час. Иногда на дороге нам встречаются машины, я выезжаю на встречную полосу, слегка надавливаю на педаль, и спортивная машина с лёгкостью обгоняет сонных водителей. Время от времени Рагнар говорит мне, куда поворачивать, и уже через десять минут мы

выезжаем из городка в окружающую ее путсную местность и полностью погружаемся в темноту. Луну закрывают тучи, и единственными источниками света остаются наши фары. Мы едем по прямой в полнейшей тишине, но как только в голове возникает мысль включить радио, Рагнар вдруг призывает свернуть с дороги. Я недоверчиво смотрю на Высшего, но повинуюсь. Под колёсами захрустел гравий, а мелкие камушки стучат по металлу кузова. Из темноты появляется огромное сооружение, обнесённое металлическим ограждением. Помимо нас здесь нет ни души. Внутри всё сжимается в узел. Вдруг Рагнар — серийный убийца, которого я сама привезла на место следующего преступления...

Мы подъезжаем к закрытым воротам, на которых висит табличка: «Дорогие прихожане, Храм Высшего Бога Инбриса на реставрации». Рагнар открывает ворота всё тем же небрежным взмахом руки, и мы проезжаем на территорию храма. Вокруг расставлена техника, в аккуратные кучки сложены строительные материалы, наши фары освещают кирпич здания без штукатурки. Я останавливаю машину перед храмом, но не тороплюсь выходить следом за Рагнаром. Бог проходит несколько шагов и только потом замечает, что меня нет рядом. В свете фар я вижу его недоумевающее лицо, когда он поворачивается назад. Я глотаю ком в горле. Я сбежала из клиники, могу сейчас нажать на газ, развернуть машину, снести хлипкие ворота и сбежать и от Рагнара. Словно прочитав мои мысли, он подходит к моей двери и стучит

косячками пальцев в окно. Сама не зная зачем, я опускаю стекло на несколько сантиметров.

— Ну уедешь ты, что потом? — Я молчу. — Поедешь к своим родителям? Не они ли закрыли тебя в той дыре? Думаешь, они обрадуются твоему появлению дома? Уверен, утром в клинике поймут, что ты сбежала, и первым делом свяжутся с близкими. Тебе некуда идти, негде спрятаться. У тебя нет ни денег, ни даже нормальной одежды. — Я опускаю глаза на свою пижаму. — Машину в скором времени найдут, поэтому тебе придётся её где-то бросить. Но даже всё это не самое важное...

— Я всё ещё проклята, — заканчиваю я мысль за Рагнара через стиснутые зубы.

— И это тоже, — соглашается Рагнар. — Но я имел в виду не это. — Теперь я поворачиваюсь к Богу, и мы встречаемся глазами. Рагнар кладёт ладонь с чёрной меткой на стекло. — Ты должна мне.

Что-то сжимается в груди от осознания безысходности. Я не успеваю ничего ответить — Рагнар берётся за ручку и дёргает дверцу. Та с пронзительным скрежетом без сопротивления поддаётся. Не дожидаясь моего согласия, Бог хватается за руку и вытаскивает наружу.

— Отпусти! — я выдергиваю руку.

— У меня нет времени на упрощения, — рычит Бог. — Мне тебя понести?

— Серьёзно? — хмыкаю я. — Понесёшь меня, если я не

захочу идти?

Вместо ответа Рагнар делает шаг ко мне.

— Хорошо! — я выставляю руки вперёд, чтобы остановить Бога, хотя понимаю, что это вряд ли поможет. — Иду я! Ахуй-нахуй, из какого ты века? — я провожаю глазами Рагнара, когда тот проходит мимо по направлению ко входу в храм.

— Ахуй-нахуй... — моя фраза его явно повеселила.

Я закрываю глаза, понимая, что случайно выругалась словечками Елены.

— Я не вещь, которую можно таскать туда-сюда, — решаю вернуться к сути моего вопроса.

— Радость, притащи свою задницу ко входу в храм, если не хочешь, чтобы это сделал я, — выдыхает Рагнар.

Бог открывает скрипучую дверь храма. К моему удивлению, она оказывается не заперта. Я с силой сжимаю челюсть и направляюсь внутрь. Рагнар пропускает меня и заходит следом. Как только Высший переступает порог, огарки свечей в подсвечниках зажигаются, освещая разруху внутри. Толстый слой пыли заглушает наши шаги по деревянному полу, когда мы заходим за алтарь и спускаемся по винтовой лестнице в лабиринт тоннелей под землёй. Здесь очень спёртый воздух и пахнет сыростью. Огонь будто следует за Рагнаром: как только мы спустились, старые факелы на стенах зажигаются, заливая длинный тоннель тёплым светом, но даже они не согревают. Из рта вырываются облачка пара. Кое-

где с потолка капает, и я осторожно обхожу лужи на полу. К тому моменту, когда мы наконец оказываемся в просторном помещении, у меня зуб на зуб.

Помещение имеет сводчатый потолок из того же камня, из какого сделаны пол и стены этих подземелий. Несколько слабо горящих факелов не хватает, чтобы осветить его полностью, но посередине я замечаю одиноко стоящую арку — или скорее то, что от неё осталось.

Из самого тёмного и дальнего угла раздаётся шорох. Мы оба резко поворачиваем голову в сторону неизвестного источника звука. Дыхание замирает в горле, но по расслабленным плечам Рагнара я понимаю, что Бог не разделяет моего беспокойства. Невольно я делаю шаг ближе к нему. В голове вновь возникают те бледные твари из воспоминаний Игоря.

— Знаю, я опоздал, — обращается к темноте Рагнар. — Возникли некоторые обстоятельства. — Он спокойной походкой идёт к арке. — Но я же здесь.

Несколько секунд ему никто не отвечает, и я уже начинаю думать, что здесь никого нет, как вдруг на свет выходит нечто. Существо похоже на женщину, на несколько голов выше Рагнара; кожа белоснежная, но самое странное — волосы, вернее то, что вместо них у существа на голове. Несколько чёрных рогов, напоминающих застывшие членистые конечности паука, направлены вверх, как корона. Несколько самых длинных скребут кирпич потолка. Я застыла, не в силах отвести глаз от существа.

— Я похожа на ту, у которой нет других дел, кроме как ждать, пока ты соблаговолишь вернуться домой? — её голос звучит как сотни разбивающихся бокалов одновременно. Существо скрестило руки на груди — жест слишком человеческий.

"Женщина" переводит взгляд своих чёрных глаз на меня.

— А это кто? — она разглядывает меня с ног до головы, и у меня появляется мысль, что она пытается понять, застряну ли я у неё в горле, если заглотнуть целиком, или всё же стоит есть по частям.

— Подружку подцепил, — пожимает плечами Рагнар.

— Никогда бы не подумала, что ты дружишь с людьми, — хмыкает существо.

— Не ревнуй, — сладко протягивает Рагнар.

Оно умеет ревновать?

Рагнар запускает руку в карман куртки и достаёт шоколадку.

— Держи, — он протягивает угощение существу.

Та двигается так быстро, что я не успеваю моргнуть, а шоколадка уже оказывается в её когтистых руках.

— С орешками? — спрашивает она, разглядывая упаковку.

— Ну конечно! — фыркает Рагнар.

Боги! Создаётся впечатление, будто Рагнар подкупает бабушку на проходной общежития поздней ночью после вечеринки.

Я молча наблюдаю за этой странной картиной, борясь с

желанием с воплями убежать. Видимо, шоколадка с орешками устроила создание, потому что она награждает Рагнара очаровательной улыбкой, обнажив ряд клыков. Перед глазами вновь возникают образы обладателей таких же зубов. Может ли она быть той, что напала на Игора в тоннелях метро? Я не удивлюсь, если у неё есть подружки.

— Проходите, — она кивает в сторону арки.

На моих глазах между колоннами пространство искривляется, словно я смотрю на беспокойную поверхность воды.

— Это портал. Пройдя через него, ты попадёшь в мой мир, — объясняет Рагнар.

Хорошая новость: если у меня ещё были сомнения насчёт Рагнара, то сейчас они окончательно рассеялись. Он — действительно Высший Бог Смерти. Плохая новость: я стою у края портала, готовясь прыгнуть в Королевство Смерти, и существует вероятность, не знаю, насколько она велика, что моя душа навсегда останется там.

Пытаясь очистить разум от устрашающих картин ада, которые могут ждать меня в том мире, я задерживаю дыхание, закрываю глаза, как перед прыжком в воду, и делаю шаг в портал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.